Научная статья
УДК 341.228
doi: 10.17223/22253513/54/5

Эволюция российской политики в Арктике сквозь призму нормативного регулирования

Ирина Александровна Стрельникова¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, istrelnikova@hse.ru*

Аннотация. На базе анализа основных нормативных документов России и международных конвенций, в которых Россия также принимает участие, исследуется вопрос формирования и развития Арктической повестки России. Рассматривается проблематика становления и нормативного закрепления секторальной и конвенционных теорий, устанавливающих правовой режим территорий в Арктическом регионе; анализируются особенности арктической стратегии России на разных этапах ее развития сквозь призму анализа основополагающих нормативных документов, начиная с Постановления Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. и заканчивая Указами Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» и от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

Ключевые слова: Арктика, Россия, Китай, Арктическая повестка, эволюция, секторальная теория, конвенционная теория

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (№ 24-28-00278), <https://rscf.ru/project/24-28-00278/>

Для цитирования: Стрельникова И.А. Эволюция российской политики в Арктике сквозь призму нормативного регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 54. С. 72–92. doi: 10.17223/22253513/54/5

Original article
doi: 10.17223/22253513/54/5

Evolution of Russian policy in the Arctic through the prism of legal regulation

Irina A. Strelnikova¹

¹ *National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation,
irina.a.strelnikova@mail.ru*

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of Russia's Arctic policy, from its formation and establishment to its discourse at the present stage from a legal

point of view by analysing the key strategic normative documents that regulate Russia's policy and priorities in the Arctic region. In this area, it is important to trace the changes taking place in the political and normative discourse of the evolution of Russia's Arctic agenda; to establish the features and priorities of Russia's Arctic policy at different stages of its formation in the context of the changes taking place in Russian political discourse and in the system of international relations.

The evolution of Russia's Arctic agenda is discussed through the prism of sectoral and conventional theories. The Arctic occupies one of the main places in Russia's policy, is a strategically important region for the realisation of Russia's national interests, and is critical for the development of the Russian economy, energy and military security. At the present stage, it is important to change the existing format of international cooperation in the Arctic. Under the sanctions regime, Russia was forced to 'open the door wider' to the Arctic to its new partners in order to realise its national interests. Being in a situation of limited opportunities in the region, Russia continues to pursue a strategy of 'rapprochement with the countries of the East', establishing co-operation with China and other BRICS countries. These changes can be traced in Russia's 2023 foreign policy concept, which singles out the Arctic as a separate and important point for further development in several areas: improving the Northern Sea Route as a national transport 'artery'; preventing militarisation of the region by unfriendly countries; and ensuring Russia's legal continuity in the region. This document laid the foundation for Russia's further co-operation with non-members of the Arctic Council, and also outlined the growing importance of addressing emerging issues in the region.

In turn, with the help of another key document, the Framework for State Policy in the Arctic until 2035, one can clearly trace the change in Russia's foreign policy strategy in the Arctic, where Russia's priority shifts to 'developing relations with foreign states on a bilateral basis, within the framework of relevant multilateral structures and mechanisms', which in turn means a trend towards developing relations with countries beyond the horizon of the Arctic Council chair countries. Thus, Russia has clearly indicated a commitment to building further co-operation with Asian countries (China, India and others). Thus, this study represents an important contribution to understanding the pattern of changes taking place in Russia's Arctic agenda and their legitimisation through consistent and clear enshrinement in relevant normative acts.

Keywords: Arctic, Russia, China, Arctic Agenda, evolution, sectoral theory, conventional theory

Financial support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-28-00278), <https://rscf.ru/project/24-28-00278/>

For citation: Strelnikova, I.A. (2024) Evolution of Russian policy in the Arctic through the prism of normative regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 54. pp. 72–92. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/54/5

Введение

В связи с климатическими изменениями, которые привели к стремительному таянию ледников, Арктика обрела статус богатейшего ресурсами региона, чем привлекла все мировое сообщество, и Россия, как арктическое государство, не исключение.

Особое значение Арктики для России можно проследить с момента становления секторального принципа, ведь Россия была одной из первых стран, которая заявила о своих правах на арктические территории, обозначив

границы своего арктического сектора в Постановлении Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. [1].

В настоящее время, с принятием Конвенции ООН по морскому праву (ЮНКЛОС) 1982 г. [2], Россия отразила важность этого региона в государственных основополагающих стратегических документах, которые определяют фундаментальные принципы российской арктической политики.

Немаловажным является изменение существующего формата международного сотрудничества в Арктике, где последние несколько лет наблюдается растущая вовлеченность неарктических стран в деятельность региона. Россия имеет тесное взаимодействие с нерегиональными акторами, в частности со странами Азии, что также отражается в ее нормативных документах.

Становление секторальной теории 1926 г.

В начале XX в. появилась тенденция к распространению суверенитета на полярные территории. Данный подход возник в связи с растущим интересом к потенциалу Арктики в различных областях. Из-за сурового климата ученые были вынуждены разработать новые концепции приобретения территорий, чтобы избежать правил эффективной оккупации, которой требовало традиционное правление [3]. Такой концепцией в результате стала секторальная теория, основная идея которой заключалась в разделении региона между прибрежными государствами Арктики. Появление такого подхода в первую очередь было связано с желанием циркумполярных стран закрепить свои права на территории, которые для них имели особое значение, и не допустить включение этих районов в общие положения международного права [4].

Развитие секторальной теории началось более 100 лет назад [5]. Еще до того, как исследователи впервые достигли Северного полюса, некоторые государства уже разрабатывали стратегию, как наилучшим образом его разделить.

Впервые термин «сектор» упоминается в Российско-британской конвенции 1825 г., где Российская империя и Британская империя впервые установили такой критерий разделения, как меридианная или секторальная линия в отношении своих арктических владений.

Однако первопроходцами в этом отношении принято считать Канаду и Российскую империю (а ныне Россию). Это неудивительно, учитывая, что эти две страны имеют значительно большую территорию, прилегающую к Арктике, чем любая другая приарктическая страна, и их стремление установить в своем законодательстве закрепление такого секторального подхода являлось логичным.

В 1907 г. сенатор Паскаль Пуарье, выступая в парламенте, предложил идею арктического сектора в качестве официальной позиции Канады в регионе, заявив, что все острова и земли, расположенные между меридианами 60° восточной долготы 141° западной долготы, находятся под суверенитетом Канады. Таким образом, он заложил фундамент концепции секторального разделения Арктики [4].

Секторальный подход Канады импонировал Российской империи, поэтому в 1916 г. она приняла похожий канадскому закону дипломатический документ, в котором впервые заявила о своих правах на арктические территории.

Позже вопрос о границах уже советской арктической зоны был урегулирован в Постановлении Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане».

Как утверждает В.К. Быковский, «другие арктические государства свои владения в Арктике никак законодательно не оформляли, при этом и возражений СССР и Канаде никто не высказывал» [4]. Однако секторальный подход не является общепризнанным в международном праве, что означает невозможность юридически признать притязания стран на территории, которые они закрепляют в своем законодательстве.

Какое-то время секторальная теория, казалось, набирала обороты. Наибольшую поддержку секторальному принципу оказали советские ученые. В.Л. Лахтин утверждал, что «Союз ССР имеет значительные и вполне законные, с точки зрения международного права, интересы по ту сторону Северного полярного круга. В отличие от других стран, интересы эти вполне правомерны и диктуются как соображениями стратегического оборонительного порядка, желанием обезопасить свое северное побережье от возможного вражеского нападения, так и соображениями экономического порядка» [6]. По словам В.Л. Лахтина, наличие именно этих интересов способствовало принятию Постановления 1926 г.

Научно-технологичный прогресс, глобальное потепление и таяние ледников открыли большие возможности для освоения арктических ресурсов. Эти факторы сделали Арктический регион очень привлекательным для остальных государств. Тогда страны с меньшей территорией, прилегающей к Арктике, которые имели право на относительно небольшой участок арктической суши, были осторожны, чтобы избежать узаконивания секторальной теории.

Например, в 1990 г., когда США установили морскую границу с СССР по меридиану, который почти точно совпал с линией восточного сектора, описанной ЦИК Советского Союза в 1926 г., американские дипломаты заявили, что граница была полностью основана на договоре [7]. Поступая таким образом, Соединенные Штаты недвусмысленно отказались признать секторальную теорию в качестве принципа международного права [5].

Однако позиция Советского Союза по данному вопросу была иной. При разграничении континентального шельфа и исключительных экономических зон (ИЭЗ) в Чукотском и Беринговом морях между США и СССР, страна настаивала на том, чтобы линия разграничения в Чукотском море полностью совпала с восточной границей советского сектора. Как утверждает Л.Д. Тимченко, «можно сделать вывод, что Соглашение 1990 г. дает некоторые правовые основания для секторальной концепции. Однако базовый элемент концепции (теория смежности) не согласуется с международным правом» [3].

Аналогичная позиция СССР наблюдалась и во время переговоров с Норвегией в части делимитации Баренцева моря, которые завершились в 2010 г., во время которых СССР, а в дальнейшем Россия придерживались при разделе принципов секторальной теории. В свою очередь Норвегия придерживалась принципа срединной линии, что, по словам Л.И. Калашникова, нельзя считать справедливым, «ведь одна из стран может получить решающее преимущество при разделе просто за счет выступающего мыса или полуострова, именно так обстоит дело в Баренцевом море, где норвежский берег “нависает” над российским» [8].

Из этого следует, что СССР использовал секторальные линии на переговорах с Норвегией и в соглашении с Соединенными Штатами как удобный способ разграничить морские пространства, и учесть свои экономические и стратегические интересы.

Таким образом, хотя секторальный принцип не имеет официального признания в международном праве, он продолжает влиять на поведение некоторых государств в отношении территориальных претензий, оставаясь важной концепцией управления Арктикой и оказывая влияние на дискуссии и переговоры по управлению ресурсами и деятельностью региона. Страны в прошлом полагались на основную предпосылку секторальной теории для установления морских границ. Это говорит о том, что, хотя секторальная теория может формально не иметь отношения к современному международному праву, некоторые государства находят ее аргументацию убедительной и добровольно принимают решение включить ее в свои трактаты.

Становление конвенционной теории

Весной 1985 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев провозгласил внешнеполитический курс на перестройку и «новое политическое мышление» в Арктике. Для продвижения философии «нового политического мышления» было принято решение посетить Мурманскую область, где Горбачев обратился к широкой международной общественности с призывом о радикальном снижении уровня военного противостояния на Севере планеты.

1 октября 1987 г. в Мурманске состоялось собрание, на котором Михаил Горбачев выдвинул так называемые «Мурманские инициативы», где были подчеркнуты главные проблемы Арктики, и сформулированы основные этапы для переговорного процесса со странами, которых также волновали существующие проблемы в данном регионе. Михаил Горбачев предложил ряд широкомасштабных инициатив по региональной безопасности, международному сотрудничеству в разных областях Арктики, самое главное, он призвал к открытию для международного судоходства Северного морского пути (СМП). Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС ознаменовало не что иное, как готовность СССР наконец-то поднять железный занавес над своими арктическими территориями [3].

1997 г. ознаменовал начало нового этапа арктической политики России, в связи с ратификацией Москвой Конвенции ООН по морскому праву (ЮНКЛОС) 1982 г. [2]. Такое решение России было продиктовано ее стратегическими и экономическими интересами в своих морских районах, а также ее желанием участвовать в международной правовой системе, регулирующей использование мирового океана.

Конвенция устанавливает правовой режим всех основных морских пространств, разработку минеральных ресурсов морского дна, регулирует рыболовство, судоходство, проведение научных исследований, регулирует вопросы, связанные с делимитацией морских границ, защитой морской и окружающей среды, а также разрешает споры по морским вопросам. В Конвенции излагаются основные права и обязанности государств при использовании ими мирового океана, включая создание ИЭЗ [2. Ст. 56 (1)]. В зоне территориального моря (12 морских миль) прибрежное государство обладает полным суверенитетом, включая право регулировать и обеспечивать соблюдение законов в пределах этой зоны.

Однако за пределами четко определенной национальной юрисдикции мировые океаны являются общим наследием человечества и, следовательно, не принадлежат какой-либо одной нации. В соответствии с этой идеей, ЮНКЛОС накладывает некоторые ограничения на способность прибрежного государства регулировать и контролировать свою ИЭЗ. В частности, ст. 58 (1) ЮНКЛОС [2] строго ограничивает контроль государства над своей ИЭЗ, предоставляя всем государствам свободу судоходства в ее пределах, обязывая при этом соблюдать права других государств [2. Ст. 56 (2)].

Конвенция также предоставляет прибрежным государствам механизм расширения своей ИЭЗ за пределы 200 морских миль на еще дополнительные 150 морских миль, если страны смогут продемонстрировать, что естественное продолжение их континентального шельфа выходит за этот предел. Статья 76(8) [2] предписывает, что, если прибрежное государство сможет предоставить научные доказательства в поддержку своего притязания, оно может иметь право на расширенный континентальный шельф протяженностью до 350 морских миль от своих исходных линий. Это позволит прибрежному государству осуществлять контроль над ресурсами морского дна и недр за пределами ИЭЗ, уважая при этом права других государств в этом районе. Процесс установления внешней границы континентального шельфа включает представление доказательств в Комиссию ООН по границам континентального шельфа, которая является органом, учрежденным в соответствии с ЮНКЛОС для рассмотрения таких вопросов и вынесения рекомендаций/заклучений по ним. Таким образом, Конвенция ООН по морскому праву – это некое международное соглашение, в котором определена терминология, обозначены пределы территориальных притязаний прибрежных стран и установлен порядок совместного и суверенного использования морских территорий.

Согласно секторальному принципу, площадь арктического сектора России составляет около 9 млн км², из которых 6,8 км² – морская акватория Северного Ледовитого океана. Однако после ратификации 26 февраля 1997 г. Конвенции ООН по морскому праву от 1982 г., суверенная граница Российской Федерации была преобразована в 12-мильную полосу (22,2 км) вдоль российских северных берегов. Таким образом, с ратификацией Конвенции Россия потеряла суверенные права на 1,7 млн км² своего арктического сектора [9].

Принятие Россией Конвенции вызвало широкое обсуждение в научных кругах. Бытовало мнение, что, подписав ЮНКЛОС, Россия фактически отказалась от секторального принципа разделения Арктики [10]. Однако ратификация Россией ЮНКЛОС была вызвана желанием проводить свою внешнюю политику в Арктике с учетом положений данного международного документа, на основе международно-правовых норм. Несмотря на это решение, российское руководство никогда не отказывалось от секторальной теории и продолжало считать полярные владения СССР, декларированные в Постановлении Президиума ЦИК СССР 1926 г. «Об объявлении территорий Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» [1], единолично своими.

Таким образом, сотрудничество в Арктике на основе международного права потребовало от России научного обоснования и юридического закрепления всех территорий, ранее входящих в состав «полярных владений СССР» согласно секторальному разделению Арктики.

Основные споры развернулись вокруг подводной горной цепи, простирающейся через всю Арктику – хребет Ломоносова, входившего ранее в Советский арктический сектор. После открытия в 1948 г. хребта Ломоносова советскими исследователями, Арктика была разделена на два района, тогда как до этого предполагалось, что она являет собой единый сплошной водный бассейн, тянувшийся по дну Северного Ледовитого океана, от российских Новосибирских островов до канадского острова Элсмир.

Свои права на владение данной территорией объявили Россия, Дания и Канада. Стремления этих стран обусловлены арктическими подводными богатствами, ведь расширение континентального шельфа за хребет Ломоносова и поднятие Менделеева имеет значительные последствия для прав на ресурсы арктических стран, претендующих на эту территорию.

В своем стремлении доказать свое единоличное право на хребет Ломоносова и поднятие Менделеева, а также на участок в Охотском море, присоединение которых увеличило бы континентальный шельф России дополнительно еще на 1,2 млн км², российские ученые в 2000 г. совершили первую важную экспедицию под названием «Арктика-2000», которая прошла успешно, и проведенные исследования подтвердили, что данная подводная горная цепь является продолжением российской территории.

Основываясь на данном исследовании, Россия объявила о своих претензиях на спорные территории и в 2001 г. подала заявку на расширение границ своего континентального шельфа в специализированный орган Комиссии

ООН, который оценил предоставленные российскими учеными факты недостаточно убедительными, в связи с недостатком геологической информации, и отклонил ее [10]. После этого Россия решила добиваться присоединения этих территорий по отдельности.

Очевидный интерес и амбиции России в Арктике способствовали созданию «Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 года», которая определила «решающую роль Северного флота для обороны государства, а также стратегическое значение Северного морского пути (СМП) для устойчивого развития Российской Федерации» [11].

Роль Северного морского пути имеет огромное значение для российской политики в Арктике. Интерес к СМП возник еще в конце 1990-х гг., и причина такого интереса была связана, главным образом, с арктическими месторождениями. Под Северным морским путем, который проходит вдоль северного побережья России, соединяя Атлантический и Тихий океан, подразумевается кратчайший маршрут между Европой и Азией. Северному морскому пути уделяется огромное внимание в российской политике, именно поэтому «Транспортная стратегия Российской Федерации до 2020 года» впервые закрепила основные направления развития данного судоходного маршрута [12].

В 2007 г. Россия вновь организовала экспедицию «Арктика-2007», которая стала значительным научным и геополитическим прорывом. Эта экспедиция включала в себя миссию высокого уровня на Северный полюс, в ходе которой российские ученые установили титановый флаг Российской Федерации на морском дне под Северным полюсом. Однако главной целью экспедиции было добыть новые доказательства и вновь заявить о притязаниях России на значительную часть морского дна Арктики, которое, как считается, богато природными ресурсами, такими как нефть и газ. Экспедиция провела научные исследования и собрала данные об Арктическом регионе, включая его геологию, экологию и потенциал для освоения ресурсов.

В 2008 г. была принята Концепция внешней политики России, в которой основным приоритетным направлением являлась проблематика двусторонних торгово-экономических взаимоотношений. На данном этапе развития российской политики в Арктике, внешняя политика была направлена только на создание благоприятных условий для внутреннего социально-экономического развития и хозяйственного освоения региона. В соответствии с Концепцией от 2008 г. также была поставлена важная задача «установить в соответствии с международным правом внешние границы своего континентального шельфа, расширяя тем самым возможности для разведки и разработки его минеральных ресурсов» [13]. В том же году были приняты «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», который содержал основные национальные приоритеты арктической политики России до 2020 г. В нем излагалось долгосрочное видение Арктики правительством и стратегические цели для региона, отражающие интересы страны в области экономического развития, охраны окружающей среды, безопасности и сохранения Арктики как зоны мира и международного сотрудничества.

Ключевой задачей в соответствии с документом являлось «обеспечить международно-правовое оформление внешней границы Арктической зоны России и на этой основе добиться конкурентных преимуществ России по добыче и транспортировке энергетических ресурсов» [14].

Помимо этого, Россия поставила задачу «создать группировки войск общего назначения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и пограничных органов в Арктической зоне Российской Федерации, а также систему береговой охраны ФСБ России» [14]. В документе также подчеркивалась защита прав коренных народов в Арктике, включая сохранение их традиционного образа жизни и культурного наследия [14]. Схожие задачи были поставлены и в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [15], утвержденной в 2009 г. Таким образом, до 2020 г. Арктика должна была превратиться в «ведущую стратегическую ресурсную базу» страны [16].

Российская стратегия в Арктике изменилась на рубеже 2009–2010 гг. Россия решила запустить несколько проектов по разработке арктических месторождений, особенно в нефтегазовом секторе [10]. Арктическая политика России в этот период была направлена на привлечение иностранных инвестиций и экспертных знаний для разработки арктических месторождений, особенно в морских районах Северного Ледовитого океана. Это было связано с отсутствием необходимых технологий в стране. Правительство стремилось использовать технические возможности и финансовые ресурсы иностранных энергетических компаний для продвижения своих арктических энергетических проектов.

2012–2013 гг. ознаменовались периодом, когда Россия, во-первых, сделала важный шаг на пути освоения и добычи в Арктике углеводородных ресурсов и, во-вторых, поставила задачу расширить исключительную экономическую зону в Арктике. Данная цель была отражена в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ в феврале 2013 г., и в «Стратегии развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности до 2020 года». В Концепции внешней политики России 2013 г., в отличие от Концепции 2008 г., большое значение уделяется политическим вопросам международных отношений в Арктике. В соответствии с Концепцией от 2013 г. Россия «стремится к укреплению разноформатного международного сотрудничества и отдает приоритет сотрудничеству с арктическими странами» [17]. В тексте документа также имеется пункт о взаимодействии с нерегиональными акторами, который гласит, что «Россия открыта к сотрудничеству при уважении ими суверенных прав и юрисдикции арктических государств в Арктике» [17]. Помимо этого, в Концепции 2013 г. отмечается значимость Северного морского пути как национальной транспортной коммуникации.

В 2014 г. несмотря на геополитическую напряженность и санкции, введенные против России после ситуации с Крымом, страна продолжала разви-

вать партнерские отношения с международными энергетическими компаниями для разведки и эксплуатации огромных энергетических ресурсов в Арктическом регионе.

Однако политический и экономический климат, включая санкции и ухудшение отношений с западными странами, поставили под угрозу усилия России по привлечению иностранных инвестиций в Арктику. Геополитическая напряженность также повлияла на готовность международных компаний участвовать в крупномасштабных энергетических проектах в российском Арктическом регионе. Тогда Россия в очередной раз пересмотрела приоритеты своей внешней политики в Арктике в сторону активного подхода к военно-политическим вопросам, сделав акцент: на повышении обороноспособности, путем инвестирования в модернизацию, развертывания передовых вооружений, систем наблюдения и инфраструктуры для защиты своих границ и территориальных вод; на развитии военной инфраструктуры, которая включала в себя коммуникационные сети, возможность наблюдения и рекогносцировки, а также системы раннего предупреждения для мониторинга потенциальных угроз в регионе и реагирования на них; и на утверждении своего присутствия и влияния в регионе, включая проведение военных учений, развертывание войск и создание новых военных баз и сооружений в регионе.

Арктическая политика страны в этот период характеризовалась сочетанием напористости, стратегического планирования и активизации военной деятельности. Правительством была утверждена государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» и поставлена ключевая задача усилить морскую составляющую пограничной группировки ФСБ России, которая была направлена на усиление пограничной безопасности и наблюдения вдоль морских границ России. Эта задача была особенно важна в контексте Арктического региона, где Россия имеет значительные морские границы и стратегические интересы. Для реализации этой задачи правительство России предложило создать единый центр для мониторинга, управления и реагирования на угрозы и вызовы безопасности на море.

В декабре 2014 г. Россия обновила свою военную доктрину. Основные положения новой военной доктрины России, связанные с арктической политикой, включали следующие ключевые элементы: во-первых, подчеркивалось растущее стратегическое значение Арктического региона и необходимость усиления военного присутствия и возможностей России в этом регионе. В ней отмечалось значение Арктики для национальной обороны, ресурсной безопасности и геополитических интересов. Во-вторых, в доктрине подчеркивалась приверженность России защите своих арктических территорий, включая Северный морской путь и богатый ресурсами континентальный шельф. В ней определялась роль Вооруженных Сил в защите суверенитета и территориальной целостности России в Арктике. В-третьих, в военной доктрине приоритетное внимание уделялось развитию военной инфра-

структуры в Арктике, включая строительство новых военных баз, аэродромов и военно-морских объектов. Она была направлена на повышение способности России демонстрировать мощь и защищать свои интересы в регионе. Для этого на базе Северного флота за Полярным кругом создали новое стратегическое командование «Север». В-четвертых, в доктрине подчеркивалась важность сотрудничества в области безопасности с другими арктическими государствами и излагалась приверженность России укреплению стабильности и мирного сотрудничества в регионе. В ней отмечалась необходимость диалога и сотрудничества по вопросам безопасности, особенно в контексте Арктического совета и других многосторонних форумов. В-пятых, в доктрине подчеркивалась роль военных в обеспечении экологической безопасности и реагировании на чрезвычайные ситуации в Арктике, включая поисково-спасательные операции, охрану окружающей среды и борьбу со стихийными бедствиями. В ней подчеркивалась ответственность военных за поддержку гражданских властей в охране окружающей среды Арктики [18].

Несмотря на меняющиеся приоритеты России в регионе, одна цель в российской политике оставалась неизменной – доказать, что арктический шельф выходит за пределы 200-мильной зоны. В период 2005–2014 гг. российские ученые провели широкомасштабную исследовательскую деятельность в Арктическом регионе, где основным фокус был сосредоточен на проведении геологических, экологических и геофизических научных исследований для сбора данных, которые могли бы наконец-то подтвердить претензии России на расширение континентального шельфа в Северном Ледовитом океане.

На новые исследования ушло более 10 лет, и лишь в августе 2015 г. Россия повторно подала, уже дополненную обширными выкладками ученых, заявку, которая содержала все необходимые факты и аргументы единоличного владения Россией данной территорией [19]. Стоит отметить, что в марте 2014 г. заявка России на участок в Охотском море площадью 52 000 км² была удовлетворена. Однако несмотря на эту маленькую победу, результат в отношении оставшейся территории все еще ожидал заключительного решения. Важным событием также стало создание в 2015 г. Государственной комиссии по вопросам развития Арктики.

В 2016 г. была принята обновленная Концепция внешней политики России, положения которой в целом совпадали с положениями Концепции 2013 г., за исключением пункта об укреплении разноформатного сотрудничества и взаимодействия с арктическими странами. В новой Концепции для России приоритетным направлением становится сохранение мира, стабильности и конструктивного международного сотрудничества в Арктике [20]. Стоит отметить, что Концепция 2016 г. была принята после международно-политического кризиса 2014 г., который оказал серьезное влияние на международные отношения в Арктическом регионе, поэтому отсутствие в новой Концепции пункта об укреплении разноформатного сотрудничества и взаимодействия с арктическими государствами вполне было ожидаемо. В связи

с присоединением арктических стран к санкциям против России было свернуто военное сотрудничество в регионе [21].

Необходимо также отметить пункт касательно Северного морского пути, поскольку в новой Концепции происходит пересмотр роли СМП от его важности в решении внутрироссийских проблем к его значимой роли для осуществления транзитных перевозок.

В ходе обновлений текстов ключевых документов, закрепляющих Арктическую повестку России в 2020 г., появилось больше приоритетов политического характера. К политическому национальному интересу в 2008 г., такому как сохранение Арктики как зоны мира и сотрудничества, в 2020 г. также добавилось обеспечение суверенитета и территориальной целостности региона. Кроме этого, проблемы, связанные с экономическим освоением арктического региона, в 2008 г. занимали более высокое положение, однако сегодня значение Северного морского пути в системе российских национальных интересов в Арктике занимает приоритетное место.

Начало 2023 г. ознаменовалось важным событием для России, поскольку подкомиссия ООН по границам континентального шельфа спустя 22 года утвердила претензии России на участок шельфа, включающий хребет Ломоносова и поднятие Менделеева, тем самым Россия расширила границы своего континентального шельфа на 1,2 млн км², доказав свое владение данной территорией.

Определенные изменения также произошли и в принятой в том же году Концепции внешней политики России, которая главным образом фокусируется на «снижении угроз национальной безопасности в Арктике, сохранении мира и стабильности, обеспечении благоприятных международных условий для развития Арктической зоны РФ, повышении экологической устойчивости и развитии Северного морского пути» [22]. В свою очередь ключевой нормативный документ, который закрепляет арктическую стратегию России на современном ее этапе – Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 (ред. от 21.02.2023) «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», также подчеркивает в п. 5 значимость «сохранение Арктики как территории мира, стабильного и взаимовыгодного партнерства» [23].

В связи с последствиями международно-политического кризиса 2022 г., основным нововведением Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. на фоне текущей ситуации является налаживание взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, которые уважительно относятся к России и к её внешней политике и заинтересованы в Арктическом регионе [22]. Таким образом, Россия была вынуждена «шире открыть дверь» в Арктику своим новым нерегиональным партнерам для реализации своих национальных интересов.

Поворот России к сотрудничеству с неарктическими странами

В настоящее время мир находится в процессе глобальной трансформации, влияние которой изменило существующие форматы международного

сотрудничества в Арктике. Последние несколько лет наблюдается растущая вовлеченность неарктических стран в деятельность данного региона, поскольку Арктика является глобальным, крайне важным стратегическим пространством, которое всегда привлекало неарктические страны, в первую очередь, своими богатыми ресурсами. Основными нерегиональными акторами в Арктике являются Европейский союз (ЕС) и азиатские страны, такие как Индия, Южная Корея, Япония и Китай. Каждая из этих стран, стремясь занять свое место в системе международных режимов в Арктике, приняла арктические стратегии, в которых изложила основные стратегические интересы и приоритеты в регионе, начиная от экономических возможностей и заканчивая научными исследованиями и геополитическими соображениями.

Отношение российского правительства к участию неарктических стран в делах Арктики первоначально было осторожным. Россия выразила обеспокоенность по поводу потенциального влияния неарктических стран в Арктике и стремилась сохранить свои позиции доминирующего игрока в регионе. Такая настороженность стала следствием отказа со стороны России принять Европейский союз в качестве страны-наблюдателя Арктического совета. Правительство России, особенно в свете более широкой геополитической напряженности между Россией и ЕС, руководствовалось геополитическими соображениями, соображениями суверенитета и экономическими соображениями, а также более широкой международной динамикой, которая формирует управление Арктикой и сотрудничество в ней. Важно отметить, что в то время, как Россия сомневалась в роли ЕС в Арктическом совете, другие арктические государства поддержали статус наблюдателя ЕС. Этот вопрос был предметом разногласий в Арктическом совете и подчеркнул сложности управления региональным сотрудничеством и управлением в Арктике.

Существенный прогресс в политике России в отношении неарктических, главным образом азиатских, стран произошел в 2022 г., в связи с последствиями международно-политического кризиса, который послужил определенным катализатором к активизации такого сотрудничества в регионе. Изоляция России в рамках традиционных форматов международного сотрудничества в Арктике со стороны других арктических стран вынудила Россию провести переоценку своих приоритетов в контексте взаимодействия с нерегиональными акторами. Важно отметить, что истоки сотрудничества с азиатскими странами зародились значительно раньше, в 2010 г., и связаны с глобальной стратегией России «Поворот на Восток».

Партнерство России с азиатскими странами представляется российскому руководству более интересным и перспективным, в том числе и в рамках арктического сотрудничества, поскольку страны Азии проявляют больший интерес к вопросам экономического сотрудничества и освоения Арктики без сильного политического акцента. Так, например, в арктической стратегии Китая 2018 г. подчеркивается рациональное использование ресурсов в Арктике и экономическое взаимодействие, а в арктической стратегии Японии 2015 г. акцентируется внимание на логистическом освоении региона

[24]. Эти интересы совпадают с российскими интересами в Арктике, поскольку одним из важнейших фокусов российской внешней политики в регионе является развитие Северного морского пути как кратчайшего пути из Европы в Азию, который представляет очень большой интерес для всех государств, а участие азиатских стран играет огромную роль.

На форуме «Арктика: настоящее и будущее», прошедшем в Санкт-Петербурге в декабре 2023 г., в рамках сессии, посвященной перспективам развития СМП, обсуждались вопросы увеличения грузооборота по СМП к 2030 и к 2035 гг. Было анонсировано, «что компании обязуются перевезти в 2024 г. чуть более 72 млн т груза, а в 2030 г. – порядка 193 млн т» [25]. «Прогнозируемый грузооборот, в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 1 августа 2022 г., оценивается в 80 млн т на 2024 г., в 2030 г. – в 150 млн т и в 2035 г. – в 220 млн т» [26].

Для реализации вышеизложенных задач России, безусловно, нужны новые партнеры, инвесторы, а также технологии, которыми обладают азиатские страны.

В данном смысле особое место отведено партнерству с Китаем, политика которого носит конструктивный и прагматичный характер, где центральное место занимает экономическое взаимодействие в регионе.

Активное сотрудничество России и Китая в Арктике стартовало в 2013 г. после получения Китаем статуса наблюдателя в Арктическом совете с освоения нефтегазовых ресурсов Арктики [27]. Ведущие российские компании, такие как «Роснефть», в 2015 г. заключили соглашение о бурении разведочных скважин в акватории Охотского моря с китайской нефтесервисной компанией China Oilfield Services Limited, специализирующейся на шельфовой добыче нефти [28]. China Oilfield Services Limited также принадлежит полупогружная буровая платформа «Nanhai VIII», которая активно использовалась российской компанией «Газпром геологоразведка» для работ в Карском море [27].

Однако центральное место в стратегическом партнерстве КНР и России занимает развитие СМП. Северный морской путь, в первую очередь, имеет огромное значение для Китая. Являясь крупной судоходной державой мира, КНР осознает потенциал СМП, который заключается в значительном сокращении времени доставки и затрат на китайский экспорт и импорт. Поскольку СМП представляет собой более короткий и прямой морской маршрут между Азией и Европой, потенциально сокращающий время транзита по сравнению с традиционными маршрутами через Суэцкий канал, это имеет значительные последствия для китайской торговли, предлагая потенциал для экономии средств и повышения эффективности.

Для подтверждения своих серьезных намерений и планов на совместную реализацию в партнерстве с Россией данного судоходного маршрута, КНР опубликовала «Концепцию плана действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» в 2015 г. В том же году между странами было подпи-

сано соглашение, которое представляет собой значительный шаг в сотрудничестве между Россией и Китаем в области развития Северного морского пути и интеграции Евразийского экономического союза и проекта «Шелковый путь».

Соглашение о сотрудничестве направлено на объединение усилий обеих стран в интеграции Евразийского экономического союза, политического и экономического объединения государств, расположенных в Восточной Европе и Центральной Азии, и китайского проекта «Шелковый путь», который является частью более широкой инициативы «Пояс и путь» (BRI). Сотрудничая в развитии СМП, Россия и Китай стремятся использовать потенциал Арктического судоходного маршрута для укрепления торгово-экономического сотрудничества между Европой и Азией. Как ранее отмечалось, СМП потенциально может сократить транзитное время и затраты на доставку товаров между двумя регионами, что соответствует целям как Евразийского экономического союза, так и проекта «Шелковый путь».

Важным событием также является совместная публикация Концепции морского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [29].

Наконец, в марте 2023 г. президент РФ Владимир Путин в ходе расширенных переговоров между делегациями России и Китая заявил о достигнутых договоренностях по созданию совместного российско-китайского рабочего органа по развитию Северного морского пути.

Таким образом, если ранее как во внешнеполитическом дискурсе, так и в российских внешнеполитических стратегиях отмечался «особый статус арктических стран и их особая ответственность, а неарктическим странам отводилась лишь роль наблюдателей в институтах международного сотрудничества» [21], то в настоящее время в связи с геополитическими изменениями в Арктике проведенный анализ нормативных правовых документов показывает, что политика России развернулась в сторону более тесного сотрудничества с неарктическими странами, преимущественно с Китаем, и другими странами – членами БРИКС, которые проводят конструктивную политику в отношении России. Сказанное в полной мере соответствует ч. 4 п. 50 обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 31.03.2023, поскольку данный вектор взаимодействия способствует налаживанию взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, включая инфраструктурное развитие Северного морского пути.

Заключение

В результате исследования ключевых нормативных документов, отражающих интересы России в Арктике, было выявлено, что российская политика в Арктике со временем значительно эволюционировала, отражая меняющиеся приоритеты и стратегические интересы страны в регионе.

Исторически Россия рассматривала Арктику как критически важный регион для национальной безопасности и экономического развития, и ее политика определялась желанием утвердить суверенитет и контроль над обширными ресурсами региона. Россия стала одной из первых стран наряду с Канадой, которая заявила о своих правах на арктические территории, обозначив границы своего арктического сектора в Постановлении Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. Приверженность России секторальному принципу сохраняется, и по сей день, несмотря на принятие Россией Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В советскую эпоху Арктика была сильно милитаризована, с акцентом на создании военных баз и инфраструктуры для защиты северных границ и демонстрации мощи в регионе. Однако весной 1985 г. так называемые «Мурманские инициативы» провозгласили «новое политическое мышление» СССР в Арктике, заключающееся в радикальном снижении уровня военного противостояния на Севере планеты. Данный вектор продолжал оставаться центральным для российской политики в регионе на протяжении четверти века.

После распада Советского Союза арктическая политика России сместилась в сторону сосредоточения внимания на экономическом развитии, особенно на эксплуатации богатых природных ресурсов региона, таких как нефть, газ и полезные ископаемые. Однако реализация данной цели потребовала от России на основе международного права предоставить научное обоснование и юридическое закрепление территорий, ранее входящих в состав «полярных владений СССР» согласно секторальному разделению Арктики, что выразилось в подаче заявки в Комиссию ООН по границам континентального шельфа на участок шельфа, включающий хребет Ломоносова и поднятие Менделеева.

В последние годы, поскольку последствия изменения климата привели к повышению доступности и конкуренции в Арктике, Россия вновь сделала акцент на своем военном присутствии в регионе, восстановив и модернизировав арктические военные базы и проведя крупномасштабные военные учения. Этот сдвиг в политике отражает растущую обеспокоенность потенциальными угрозами безопасности и геополитической конкуренцией в Арктике, где в последние годы также наблюдается растущая вовлеченность неарктических стран в деятельность региона и стремление придать Арктике статус «общечеловеческого достояния».

2023 г. ознаменовался кардинальной сменой российского вектора сотрудничества в Арктике в сторону нерегиональных акторов, главным образом в сторону стран Азии, где главным инвестиционным партнером России выступает Китай. Данные изменения отчасти произошли в связи с международно-политическим кризисом, поскольку в рамках санкционного режима Россия была вынуждена «шире приоткрыть дверь» в Арктику своим новым партнерам для реализации собственных национальных интересов, таких как расширение своей инфраструктуры в Арктике, включая строительство

новых портов и транспортных маршрутов – Северный морской путь. Поскольку Арктика продолжает привлекать внимание мировой общественности в связи с изменением климата и освоением ресурсов, отношения России с неарктическими странами, вероятно, останутся важным фактором в формировании будущего региона на современном этапе.

Таким образом, эволюция российской политики в Арктике характеризовалась сильным акцентом на отстаивании территориальных претензий, расширении военного присутствия и содействии экономическому развитию в регионе. Стратегические интересы России в Арктике привели к увеличению инвестиций в инфраструктуру, разведку энергоресурсов и созданию военных баз, самая крупная из которых Северный флот. Политика страны в Арктике продиктована ее стремлением обеспечить доступ к природным ресурсам региона и сохранить контроль над стратегическими морскими путями. В целом политика России в Арктике отражает ее стремление утвердиться в качестве доминирующего игрока в регионе и защитить свои национальные интересы.

Список источников

1. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане. 15 апреля 1926 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 16.04.1926. № 87.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. с. 3–168.

3. Timchenko L.D. The Russian Arctic Sectoral Concept: Past And Present // Arctic. 1997. № 1. p. 29–35.

4. Быковский В.К. Правовой режим Арктики в контексте IV Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 100–108.

5. Joe D. Walsh. All but Quiet on the Northern Front: The Sector Principle as a Means of Resolving Arctic Territorial Disputes // Cornell International Law Journal. 2020. Vol. 53, № 4. P. 839–861.

6. Лахтин В.Л. Права на северные полярные пространства. М. : Литиздат Народного Комиссариата Иностранных Дел, 1928. 48 с.

7. Agreement Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Maritime Boundary, with annex, signed at Washington. June 1, 1990. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/US_Russia_1990.pdf (дата обращения: 16.02.2024).

8. Калашников Леонид. Россия готова подарить Норвегии сотни тысяч квадратных километров Баренцева моря // Свободная Пресса. 2011. 24 марта. URL: <https://svpressa.ru/society/article/40913/> (дата обращения: 11.03.2024).

9. Ковалев А.А. Международно-правовой режим Арктики и интересы России // Российский совет по международным делам, Арктический регион: проблемы международного сотрудничества : хрестоматия : в 3 т. М. : Аспект Пресс, 2013.

10. Жильцов С.С., Зонн И.С. Эволюция политики России в Арктике // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2015. Т. 14, № 3.

11. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Президентом РФ от 27 июля 2001 г. (утратила силу). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1800>. (дата обращения: 11.03.2024).

12. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://government.ru/en/docs/13190/> (дата обращения: 11.03.2024).
13. Концепция Внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 11.03.2024).
14. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата обращения: 11.03.2024).
15. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 11.03.2024).
16. Телегина Е.А. Ресурсы Арктического региона: перспективы и проблемы их освоения // Арктика: зона мира и сотрудничества, под ред. А.В. Загорского. М. : ИМЭМО РАН, 2011.
17. Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499003797> (дата обращения: 11.03.2024).
18. Совет Безопасности Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации от 25.12.2014 г. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 12.03.2024).
19. Олег Зеленин. РФ повторно подала в ООН заявку на расширение континентального шельфа в Арктике // ТАСС. 2015. 4 августа. URL: <https://tass.ru/politika/2162910> (дата обращения: 28.03.2024).
20. Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 11.04.2024).
21. Чистяков М.Н., Стрельникова И.А. Государственная политика в Арктике // АРКТИКА 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2023. Т. 14, № 2.
22. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.04.2023. № 14. Ст. 2406.
23. Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 № 164 «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 09.03.2020. № 10. Ст. 1317.
24. Лексютина Я.В. Сотрудничество России со странами Северо-Восточной Азии в вопросах хозяйственного освоения Арктики // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 1. С. 33–48.
25. Гришков А. Прогноз грузооборота по Севморпути на 2024 г. сократили с 80 до 72 млн т // Ведомости. 2023. 08 Декабря.
26. Распоряжение Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 2115-р «Об утверждении плана развития Северного морского пути на период до 2035 г.». URL: <http://government.ru/docs/all/142503/>.
27. Пряхин В. Россия и Китай в Арктике // Российский совет по международным делам. 27 сентября 2023 г. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/vpryahin/rossiya-i-kitay-v-arktike/> (дата обращения: 30.03.2024).
28. Началась мобилизация буровых платформ до места геологоразведочных работ в Арктике // Информационный портал «Газпром геологоразведка». 10 июля 2019 г. URL: <https://geologorazvedka.gazprom.ru/press/news/2019/07/143906/> (дата обращения: 26.02.2024).
29. Калфаоглу Р. Китайско-российское сотрудничество в Арктике: перспективы развития // Российский социально-гуманитарный журнал. 2018. № 2.

References

1. USSR. (1926) Postanovlenie Prezidiuma Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta SSSR ob ob'yavlenii territoriyey Soyuzza SSR zemel' i ostrovov, raspolzozhennykh v Severnom

Ledovitom okeane. 15 aprelya 1926 g. [Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR on declaring the lands and islands located in the Arctic Ocean the territory of the USSR. April 15, 1926]. *Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK*. 16th April.

2. UNO. (1998) Konventsiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy po morskomu pravu 1982 g. [The United Nations Convention on the Law of the Sea, 1982]. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*. 1. pp. 3–168.

3. Timchenko, L.D. (1997) The Russian Arctic Sectoral Concept: Past and Present. *Arctic*. 1. pp. 29–35.

4. Bykovskiy, V.K. (2017) Pravovoy rezhim Arktiki v kontekste IV Mezhdunarodnogo arkticheskogo foruma "Arktika – territoriya dialoga" [Legal regime of the Arctic in the context of the Fourth International Arctic Forum "The Arctic – Territory of Dialogue"]. *Mezhdunarodnoe Sotrudnichestvo Evraziyskikh Gosudarstv: Politika, Ekonomika, Pravo*. 2. pp. 100–108.

5. Walsh, J.D. (2020) All but Quiet on the Northern Front: The Sector Principle as a Means of Resolving Arctic Territorial Disputes. *Cornell International Law Journal*. 53(4). pp. 839–861.

6. Lakhtin, V.L. (1928) *Prava na severnye polyarnye prostranstva* [Rights to the Northern Polar Spaces]. Moscow: Litizdat of the People's Commissariat of Foreign Affairs.

7. USA, Russian Federation. (1990) *Agreement Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Maritime Boundary, with annex, signed at Washington. June 1, 1990*. [Online] Available from: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/US_Russia_1990.pdf (Accessed: 16th February 2024).

8. Kalashnikov, L. (2011) Rossiya gotova podarit' Norvegii sotni tysyach kvadratnykh kilometrov Barentseva morya [Russia is ready to give Norway hundreds of thousands of square kilometers of the Barents Sea]. *Svobodnaya Pressa*. 24th March. [Online] Available from: <https://svpressa.ru/society/article/40913/> (Accessed: 11th March 2024).

9. Kovalev, A.A. (2013) Mezhdunarodno-pravovoy rezhim Arktiki i interesy Rossii [The international legal regime of the Arctic and the interests of Russia]. In: *Arkticheskii Region: Problemy Mezhdunarodnogo Sotrudnichestva* [Arctic Region: Problems of International Cooperation]. Moscow: Aspekt Press, 2013.

10. Zhiltsov, S.S. & Zonn, I.S. (2015) Evolyutsiya Politiki Rossii v Arktike [Evolution of Russia's Arctic Policy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie*. 14(3).

11. Russian Federation. (2001) *Morskaya doktrina Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda. Uverzhdena Prezidentom RF ot 27 iyulya 2001 g. (utratila silu)* [Maritime Doctrine of the Russian Federation for the period up to 2020. Approved by the President of the Russian Federation on July 27, 2001 (no longer in effect)]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/1800>. (Accessed: 11th March 2024).

12. Russian Federation. (n.d.) *Transportnaya strategiya Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda* [Transport Strategy of the Russian Federation until 2020]. [Online] Available from: <http://government.ru/en/docs/13190/> (Accessed: 11th March 2024).

13. Russian Federation. (2008) *Kontseptsiya Vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii ot 15 iyulya 2008 g.* [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation of July 15, 2008]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (Accessed: 11th March 2024).

14. Russian Federation. (n.d.) *Osnovy gosudarstvennoy politiki RF v Arktike na period do 2020 goda i dal'neyshuyu perspektivu* [Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2020 and Beyond]. [Online] Available from: <http://government.ru/info/18359/> (Accessed: 11th March 2024).

15. Russian Federation. (n.d.) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda* [National Security Strategy of the Russian Federation until 2020]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (Accessed: 11th March 2024).

16. Telegina, E.A. (2011) Resursy Arkticheskogo regiona: perspektivy i problemy ikh osvoeniya [Resources of the Arctic Region: Prospects and Problems of Their Development].

In: Zagorsky, A.V. (ed.) *Arktika: zona mira i sotrudnichestva* [The Arctic: Zone of Peace and Cooperation]. Moscow: IMEMO RAS.

17. Russian Federation. (2013) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii 2013 g.* [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation of 2013]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/499003797> (Accessed: 11th March 2024).

18. The Security Council of the Russian Federation. (2014) *Voennaya Doktrina Rossiyskoy Federatsii ot 25.12.2014 g.* [Military Doctrine of the Russian Federation of December 25, 2014]. [Online] Available from: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (Accessed: 12th March 2024).

19. Zelenin, O. (2015) RF povtorno podala v OON zayavku na rasshirenie kontinental'nogo shelf'a v Arktike [The Russian Federation has re-submitted an application to the UN to expand the continental shelf in the Arctic]. *TASS*. 4th August. [Online] Available from: <https://tass.ru/politika/2162910> (Accessed: 28th March 2024).

20. Russian Federation. (2016) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii 2016 g.* [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation 2016]. [Online] Available from: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (Accessed: 11th April 2024).

21. Chistyakov, M.N. & Strelnikova, I.A. (2023) Gosudarstvennaya Politika v Arktike [State Policy in the Arctic]. *ARKTIKA 2035: Aktual'nye Voprosy, Problemy, Resheniya*. 14(2).

22. Russian Federation. (2023) Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31.03.2023 g. № 229 “Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii” [Decree No. 229 of the President of the Russian Federation of March 31, 2023, “On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation”]. *Sobranie zakono-datel'stva RF*. 3rd April. Art. 2406.

23. Russian Federation. (2020) Ukaz prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 05.03.2020 № 164 “Ob osnovakh gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v Arktike na period do 2035 go-da” [Decree No. 164 of the President of the Russian Federation of March 5, 2020, “On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 9th March. Art. 1317.

24. Leksyutina, Ya.V. (2021) Sotrudnichestvo Rossii so stranami Severo-Vostochnoy Azii v voprosakh khozyaystvennogo osvoeniya Arktiki [Cooperation of Russia with the Countries of Northeast Asia in the Economic Development of the Arctic]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1. pp. 33–48.

25. Grishkov, A. (2023) Prognoz gruzooborota po Sevmorputi na 2024 g. sokratili s 80 do 72 mln t [Forecast of cargo turnover along the Northern Sea Route for 2024 was reduced from 80 to 72 million tons]. *Vedomosti*. 8th December.

26. Russian Federation. (2022) *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 1 avgusta 2022 g. № 2115-r “Ob utverzhdenii plana razvitiya Severnogo morskogo puti na period do 2035 g.”* [Order No. 2115-r of the Government of the Russian Federation of August 1, 2022, On approval of the plan for the development of the Northern Sea Route for the period up to 2035]. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/all/142503/>.

27. Pryakhin, V. (2023) *Rossiya i Kitay v Arktike* [Russia and China in the Arctic]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/blogs/vpryahin/rossiya-i-kitay-v-arktike/> (Accessed: 30th March 2024).

28. *Gazprom geologorazvedka*. (2019) Nachalas' mobilizatsiya burovykh platform do mesta geologorazvedochnykh rabot v Arktike [Mobilization of drilling platforms to the site of geological exploration work in the Arctic has begun]. 10th July. [Online] Available from: <https://geologorazvedka.gazprom.ru/press/news/2019/07/143906/> (Accessed: 26th February 2024).

29. Kalfaoglu, R. (2018) Kitaysko-Rossiyskoe sotrudnichestvo v Arktike: perspektivy razvitiya [Chinese-Russian cooperation in the Arctic: Development prospects]. *Rossiyskiy sotsial'no-gumanitarnyy zhurnal*. 2. pp. 108–128.

Информация об авторе:

Стрельникова И.А. – кандидат юридических наук, доцент департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: istrelnikova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Strelnikova, National Research University «Higher School of Economics» (Moscow, Russian Federation). E-mail: irina.a.strelnikova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.04.2024;
одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 16.12.2024.*

*The article was submitted 11.04.2024;
approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 16.12.2024.*